

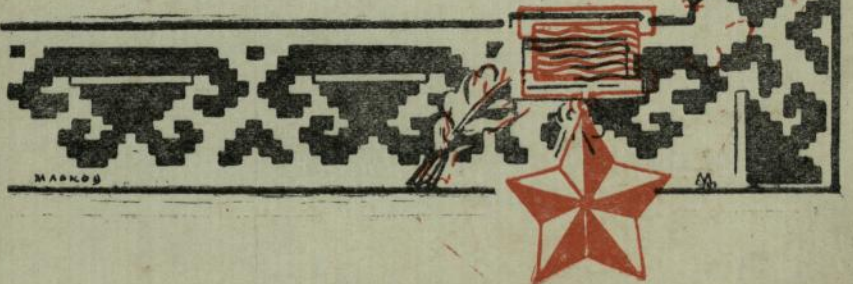
3584
44-22

**ГЕРОИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

**Наши
земляки**

А. ПЕРВЕНЦЕВ, А. ИВИЧ

**МИРОН
ЕФИМОВ**

МАРКОВ

50

А. ПЕРВЕНЦЕВ, А. ИВИЧ

3584

МИРОН ЕФИМОВ

ЧУВАШСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
г. Чебоксары Чувашской АССР

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары—1944

Отв. по выпуску В. Станюков

НТ 00354. Подписано к печати 2-III-44 г. Заказ 43.
Тираж 2000 экз. Объем 0,5 п. л.

Гор. Чебоксары, типография № 1 Управления полиграфпро-
мышл. при СНК ЧАССР

Герой моей Родины

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Утром мы спустились к морю по тропинке. В море плавали медузы, изредка проносился электрический скат, лавируя своим длинным и узким хвостом, колебались из стороны в сторону водоросли. Вместе с нами купались артиллеристы береговых батарей—моряки. Утром был небольшой перерыв, и командиры отпускали на десять—пятнадцать минут нескольких человек из боевых расчётов для купанья. Моряки бросались в море и плыли наперегонки, мускулистые и загорелые. Эти парни уже служили во флоте по четыре—пять лет. Одеваясь, они сказали нам, что сегодня ночью штурмовые самолёты Ефимова подавили огонь двух тяжелых батарей противника.

— Немцы нам не давали дышать,—сказал один из моряков-артиллеристов,—если бы не ребята Ефимова, вряд ли мы могли сегодня поплавать... Сегодня им вручают гвардейское знамя, заслужили... отчаянные парни...

... Позвонив в штаб воздушной дивизии, я получил подтверждение того, о чём мне сообщил артиллерист. Сегодня, действительно, вручают гвардейское знамя штурмовикам. Я поспешил на торжество вручения.

Ярко светило солнце. Горы стояли подернутые голубыми испарениями. На северной стороне аэродрома вытянулись двумя рядами узконосые машины, воору-

женные пушками и пулемётами. Самолёты—бронированные машины, названные противником «Чёрной смертью», были поставлены в линейку для парада.

Перед строем своих боевых эскадрилий, тяжелым ратным трудом и кровью заработавших право называться почётным именем гвардейских, стоял человек среднего роста, с юношеской стройной фигурой, обтянутой безукоризненно сшитым морским кителем с погонями майора, украшенный боевыми орденами и медалью «Золотая Звезда». Это был Ефимов, человек, прозванный на фронте командиром «Чёрной смерти». Лицо его, очень красивое, с правильными чертами, было бледно. К коже его не приставал загар. Я увидел резко очерченные губы, строгие глаза с каким-то особым блеском, свойственным людям волевым, привыкшим командовать. Ефимов отдал команду «смирно!»—полк замер. Он провел глазами по рядам, и каждый лёгчик, на ком он останавливал свой глаз, в этот момент был скован со своим командиром. Ефимов отпуская свой взор, переводил его на другого и так, прощупав всех и обнаружив порядок, он подал вторую команду, и эскадрильи, четко печатая шаг, продефилировали мимо своего командира по направлению к аэродрому.

Мы познакомились с Ефимовым. Он подал мне узкую белую руку и твердо ответил на мое рукопожатие. Это было рукопожатие сильного человека.

— Вы спортсмен?—спросил я.

Ефимов посмотрел на меня, улыбнулся и тотчас ответил мне с командирской четкостью:

— Да, ещё в школе я увлекался физкультурой. Легкой атлетикой, плаванием.

Мы направились к аэродрому. По пути я задал ещё несколько интересующих меня вопросов. Оказывается, Ефимов, по национальности чуваш, учился в школе крестьянской молодежи, а потом в Чебоксарском

педагогическом институте. Этот командир «Чёрной смерти» был учителем. Какой сугубо мирный труд! Он вспоминает о своей учительской деятельности с удовольствием, помнит по именам и фамилиям ребят. Он говорит, что после войны сможет говорить лишь об одном отступлении... к своему педагогическому труду. Хотя здесь, на фронте, он тоже «кое-какой педагог, и его мальчики отлично успевают». В авиацию Ефимов пришёл по комсомольской мобилизации. Его послали в военно-морское авиационное училище имени Сталина. Успешно окончив его, он стал лётчиком-истребителем. Штурмовиком сделался по своему желанию, когда штурмовая авиация потребовала хороших и физически выносливых лётчиков, способных в пилотировании к точному математическому расчёту.

— Вы любите математику?—спросил я.

— Я люблю математику. Вообще люблю точные науки. Не терплю абстракции ни в чём...

Я расспрашивал Ефимова о его жизни, о семье.

— Да. Обзавелся семьей ещё до войны... Теперь каждый боевой вылет не обходится без краткого семейного обзора... все же думаешь о семье..*

— Сколько раз вы думали о семье?—шутливо спросил я.

— А...—Ефимов засмеялся, обнажив белые зубы.— Я сделал больше 300 боевых вылетов, из них больше 150 на штурмовку... Первый боевой вылет в эту войну был 26 июня 1941 года... как видите, приходится довольно часто вспоминать свою семью.

Торжество вручения гвардейского знамени мне приходилось видеть не впервые. Самое главное, что трогает в этом ритуале, это то, что люди, коленапреклонно принимающие знамя воздушной гвардии и дающие клятву Родине, сами завоевали право быть гвардейцами.

Среди ветеранов полка значатся сам Ефимов и командир воздушного соединения, куда входит полк

Ефимова, тоже Герой Советского Союза. Он был первым командиром этого полка.

Теперь он шёл нам навстречу.

— Поздравляю, Ефимов,—сказал он просто.

— Спасибо, товарищ гвардии полковник,—ответил Ефимов.

Полковник обнял Ефимова и расцеловал его три раза по русскому обычаю.

— Мой полк севастопольский...

Подошли машины. Из них вышли представители командования Северо-Кавказского фронта и Чёрноморского флота. Здесь я впервые познакомился с командующим фронтом, героем Севастопольской обороны, названным кем-то современным Нахимовым.

— В этом году мы можем допустить такую роскошь,—сказал он, поднимая вверх глаза и наблюдая за стремительными виражами «яков»,—вот здесь, на виду противника, так торжественно отметить лётчиков славного Ефимова.

Генерал поздоровался с ефимовцами, назвав их орлами, после чего состоялось торжество вручения знамени. Он рассказал историю полка, рассказывал, как он видел их героическую работу во время обороны Севастополя, передал чувство восхищения лётчикам-штурмовикам, которое испытывали наземные части стрелковых дивизий и моряки бригад морской пехоты, оборонявшие Севастополь.

— Примите гвардейское знамя!—воскликнул генерал.

Ефимов преклонил колена, принимая знамя. Весь полк коленапреклонно повторял вслед за своим командиром слова торжественной клятвы.

У ущелья, в шатрах, где закончили торжество обильным ужином, мне пришлось снова разговаривать с Ефимовым. Надо сказать, что он немногословен, хотя я и старался подлить ему сухого вина из даров местных виноградарей. Ефимов мало пил, к утру

надо было провести сложную операцию по разгрому вражеского аэродрома вблизи занятой тогда немцами Анапы. Начальные главы военной биографии командира «Чёрной смерти» были рассказаны мне им самим.

...Бледнолицый юноша на барраже сбил первый истребитель врага. «Мессершмитт» упал возле моря, обломки его кипели, они были горячи. Германский лётчик лежал, опрокинувшись навзничь, с проломанным черепом.

Прошло две недели, скучных и серых. Ни одного боя.

— Я не хочу больше барражировать и перегонять материальную часть на фронтовые аэродромы,—тихо сказал своему полковнику юноша с бледным лицом.

— Почему?—спросил полковник.

— Я понял вкус мести. Я видел поверженного мной врага. Полковник задумчиво провёл по юноше взглядом. Он понял его.

— Я поддержу ваше ходатайство—произнес полковник.

Ефимов был отпущен на штурмовую работу. Отныне он стал штурмовиком. После он будет командовать полком отчаянных парней, способных по его зову на всё, во имя святого слова—Родина.

Инструктор провёл с Ефимовым семь вылетов, а потом, выходя из машины, сказал:

— Я больше вам не нужен, товарищ капитан. Можете сами ломать рога чорту. У вас получится.

Пехота сражалась у узкого горла Крыма. Немцы подбрасывали пополнения по наземным дорогам и воздухом. На приднепровских аэродромах скопились транспортные «Юнкерсы». Группа штурмовиков и среди них Мирон Ефимов, понеслась к аэродрому транспортных самолётов. Но немцы уже успели их поднять в воздух.

Аэродром был пуст. Запасная цель, поставленная перед штурмовиками, — помочь нашей пехоте. На нее сильно нажимали. Штурмовики помчались к Перекопу. В пути встретились вражеские автоколонны, рассредоточенные по степной дороге. «Чёрная смерть» бросилась на врага. Лётчики бомбили и поджигали автомашины, расстреливали убежавших немцев огнём пулемётов и пушек. Лётчики увлеклись, но забыли одно: помочь перекопской пехоте они уже не могли — магазины были пусты.

Здесь выявилось расчетливое хладнокровие Ефимова. Он не увлекся, он всё время помнил о выполнении приказа и сохранил боезапас. Когда друзья его возвращались к своему аэродрому, он шёл к цели.

Морская пехота задыхалась от неравного сражения, люди отражали атаку за атакой. И вот немцы, поднявшись в полный рост, пошли на штурм.

В переломный миг, когда одни торжествовали победу, а другие готовились мужественно умереть на поле боя, из дымков подоженной степи появился Мирон Ефимов.

Меткие бомбы, сбережённые Ефимовым, летели вниз. Взрывы, взрывы и взрывы! Ефимов «пробрил» огнём пушек и пулемётов и пошёл к своим. Зенитные тайкетки немцев открыли огонь по самолёту. Снаряд попал в мотор. Ефимов летел на мертвом самолёте. Сила инерции пронесла его над линией фронта, над морской пехотой, бросавшей восторженно в воздух матросские свои шапки. Он посадил машину в сухие бурьяны. Немцы следили за самолётом и навели на него миномётный огонь. Ефимов вывинтил ценные приборы и выскочил. Самолёт взорвался. Так началась боевая страда этого человека.

— Я летал на горящем самолёте, — сказал Ефимов, — летал на самолёте, похожем на решето, я садился на скалы, в море, задерживал бег своей машины на

кромке глубоких ущелий, когда воевали в горах Кавказа и летали с горных аэродромов... Все приходилось испытать ..

Ефимов посмотрел на часы, кивком головы попросил у командира дивизии разрешения покинуть торжественный ужин, и удалился. За ним поднялись ещё несколько человек. Они должны были подготовиться к предутреннему удару по аэродрому врага.

Я вышел из шатра, и меня поразила темнота, упавшая на землю, на горы, на кусты. В ущельях, откуда подул холодный ветер, завывали волчьи стаи, заплакали по детски шакалы. Я поднял глаза вверх и увидел чёрную луну. Небольшой поясok света держался на её закопченном крае. Возле меня стоял командир воздушной дивизии, грузный полковник гвардеец.

— Сегодня как раз затмение луны,—сказал он.— Через полтора часа Ефимов поведет полк на штурмовку...

...Ровно через полтора часа «Чёрная смерть» помчалась на немцев. Тени машин пролетели над нами. Посветлевшая луна опускалась за рваные края гор.

— Ефимов! Вот он!

Из-за столетних дубов, как стая грозных птиц, рокоча винтами, вынеслась флагманская эскадрилья. Впереди летел гвардии майор, учитель-чуваш с красивым и бледным лицом, герой моей родины, командир «Чёрной смерти», Мирон Ефимов...

Призвание Мирона Ефимова

Александр ИВИЧ

В чувашской деревне рос задумчивый мальчик с серыми упрямыми глазами, прикрытыми длинными ресницами. Сверстники его уважали. Он мог любого перегнать в беге, всех победить в упражнениях на ловкость. В этих играх исчезали задумчивость и застенчивость Мирона. Порозовевшие в азарте щёки, широкая, обнажавшая ровный ряд крупных зубов, улыбка скрадывали сосредоточенную серьёзность взгляда и лицо юноши становилось совсем ребячьим.

Таким оно и осталось—то задумчивым, то оживлённым и всегда мальчишески любопытным.

Меньше всего думал Мирон о возможности стать лётчиком. Он рассматривал в журналах фотографии знаменитых мастеров спорта, их статные фигуры, литые мускулы, радость победы, отражавшуюся на лицах спортсменов, снятых у финиша, трибуны стадиона, заполненные тысячами зрителей. Нет, не там в рядах болельщиков, а на поле, у ленточки финиша, мечтал быть Мирон. Мечта его крепла, принимала реальные формы. Он знал: нужно много труда и упорства, чтобы завоевать право выйти на старт большого состязания. Не это его смущало. Мечта о спорте часто отгеснялась другой: найти такое дело в жизни, где можно было бы открывать и прокладывать новые дороги, исследовать ещё неизвестное. Даст ли спорт достаточно пищи пытливому уму? В этом Мирон не был уверен. И он решил преодолеть свою страсть к

спорту. Окончив школу, Ефимов пошёл учиться в педагогический институт. Но он так соскучился по тренировке своего ладно скроенного сильного тела, так влекло его к весёлым смелым упражнениям, что скоро он перевёлся в Институт физической культуры.

На факультете лёгкой атлетики Ефимов быстро выдвинулся. Преподаватели и товарищи пророчили ему славу бегуна. Неожиданно оказалось, что и в спорте нужны мысль, острая наблюдательность, умение делать выводы из наблюдений. Намечалась возможность остаться при институте для исследовательской работы. Казалось, он нашёл свое призвание.

И внезапно жизнь круто повернулась.

Комсомольская организация выдвинула кандидатуру Ефимова в лётную школу. Отказаться от почётного предложения Ефимов не захотел. Он пошёл в авиашколу, но пошёл, не уверенный в том, что поступил правильно. Жаль было ставших привычными зал и комнат института, товарищей, с которыми уже не придётся выйти на старт. Через год он мог бы стать мастером спорта, а теперь надо жизнь начинать сначала...

Война застала Ефимова лётчиком-истребителем — умелым, добросовестным, но не влюблённым в своё дело. Он не находил в авиации материала для творчества. Всё казалось ему предусмотренным подробными, выверенными долгой практикой инструкциями, оставалось только их выполнять.

Одно только утешало Ефимова, когда началась война. Пожалуй, он со своим самолётом больше пользы принесёт Родине, чем мог бы сделать это мастер спорта. Но и тут ждало разочарование — полк принимал мало участия в боевых действиях. Барраж, охрана объектов — без воздушных сражений, почти без встреч с врагом.

И недоволен был бы судьбой Ефимов, если бы не повернулась судьба.

А случился поворот в день, когда на аэродром сели новые штурмовые машины—«Илюшины». Все свободные лётчики сбежались смотреть на них. Посмотрели вооружение, оборудование—да, хороша машина, не поздоровится от неё немчуре!

Ефимов сразу увидел: на таком самолёте много фашистов можно уничтожить, тут настоящая боевая работа. И не раздумывая долго, пошёл просить у командования перевода на «Илюшин».

Он попал в эскадрилью Губрия, ставшую знаменитой школой отваги и боевого мастерства.

Ефимову нравилась головокружительная смелость налётов на врага.

Это было замечательно, когда вчетвером с Губрием, Тургеневым и Евграфовым они громили немецкий аэродром в нескольких метрах над землёй! Пылают немецкие самолёты, взрываются цистерны с горючим, пламя бьёт чуть не в лицо.

Ефимов прилетел оживлённый, весёлый. В его мальчишеских глазах мелькали озорные огоньки, лицо сияло широкой улыбкой. Эту весёлую, немного застенчивую улыбку знали друзья его юности—она появлялась, когда Мирон первым прибежал к финишу, выходил победителем в состязании.

Вот теперь его начало увлекать лётное дело.

Взрывы, сраженные фашисты, пламя и разрушение—все на глазах. Именно потому Ефимову больше всего нравились штурмовки аэродромов. Работа на переднем крае, штурмовка окопов—работа до известной степени «в тёмную», о её эффективности обычно можно только догадываться.

Хорошо, когда победителем и грозой ходишь над врагом, оглушаешь его громом пушек и чувствуешь, как душа у него уходит в пятки, и вышибаешь эту

поганенькую душу из гнилого тела. Богатырём себя чувствовал Ефимов в такие минуты. Казалось, что мощь, сила, быстрота самолёта—это его сила и быстрота. Казалось, что снаряды пушек—это слова его ненависти к врагу, слова, убивающие наповал.

В зимнее утро Ефимов получил задание—вести группу «Ильюшиных» на штурмовку аэродрома, хорошо ему знакомого ещё до войны.

Ефимов сел за карту. Он искал маршрут, которым можно пройти незаметно. Цифры, обозначавшие на карте высоты, чёрные кружечки посёлков и зелёные пятна долин не были мёртвой схемой для Ефимова. Карта помогла ему воспроизвести рельеф местности. Он всломинал знакомые рощи и очертания сёл, горные ущелья и холмы. И вот чёрное пятнышко его самолёта. Он закрыл глаза и следит за ним. Да, тут можно свизиться, пробраться ущельем, здесь обогнуть посёлок и дальше над горами зайти в облачность. Все это удлинит путь минут на десять. Ничего, горючего хватит. Остро отточенным карандашом Ефимов—пилот, штурман и стрелок своего самолёта—проводит ломаную линию маршрута.

Все прошло, как по-писаному. Подошли незамеченными, навалились на аэродром и уничтожили три самолёта, прежде чем фашисты опомнились. Огонь немцы открыли лишь вдогонку удалявшимся «Ильюшиным». Досадно было только, что много осталось на аэродроме неповреждённых самолетов. И вот Ефимов решает сделать второй заход так, чтобы он тоже был внезапным.

Казалось бы, нелепость. Подняты кверху дула зенитных орудий, все посты настороже—ведь знают же немцы, что наши штурмовики очень часто, развернувшись, идут на второй заход. Какая уж тут внезапность!

Он покачал крыльями ведомым—внимание! Десять-пятнадцать километров он шёл как будто домой. Немцам было ясно, что штурмовка окончена. А потом Ефимов со всей своей группой исчез для фашистских наблюдателей. Он спустился до бреющего—а когда идёшь на бреющем, шум мотора не разносится далеко—и пошёл опять к аэродрому, используя для прикрытия все складки местности. Его хитрость, замечательная по своей простоте, заключалась в том, что он зашёл с того же самого места, как и в первый раз. Это был единственный пункт, где фашисты никак ожидать его не могли.

Маневр удался блестяще. Ни одного выстрела с земли! Чёрный дым от пожаров, возникших после первой штурмовки, был так высок, что пришлось сделать горку, чтобы его перескочить. Снова немцы открыли огонь, лишь когда Ефимов заканчивал штурмовку. Ему с ведомыми удалось зажечь ещё пять самолётов и уйти без потерь.

Ефимов в этом набеге переживал радость творчества. Он, просясь на «Ильюшин», думал, что мощь нового самолёта даст ему возможность уничтожить больше немцев и тем выполнить свой долг воина. Это было верно, но это было не все. Оказалось, что здесь на боевой машине, он может осуществить свою давнюю мечту: найти работу, где можно использовать силу, ловкость хорошо тренированного тела и способности ума, склонного к исследованиям, к поискам новых путей. Здесь на новой боевой машине, он был не только лётчиком, он был исследователем новой тактики штурмовок.

С того дня, как он это понял, его увлечение своей деятельностью превратилось в страсть—не быстро проходящую, а постоянную страсть учёного, поглощённого своей наукой, художника, живущего своим искусством, спортсмена, ставящего мировой рекорд.

Он теперь гораздо серьёзнее, вдумчивее подходил к каждой новой боевой задаче.

То, что для многих опытных лётчиков казалось таким простым — пойти в знакомый район, стать в круг, проштурмовать, сделать противозенитный маневр и уйти на свой аэродром, — то для Ефимова стало проблемой, состоящей из ряда интереснейших, всякий раз новых задач.

Он любил заранее узнать боевое задание, чтобы, разложив карты разных масштабов, продумав все маневры, решить задачу виртуозного по внезапности подхода к цели.

Он тренировал свою мысль, чтобы его решения были не только мгновенными, но и учитывали все особенности обстановки.

Майор Куников, его друг, отправляясь в сложную операцию, позвонил по телефону:

— Ты, дружище, поддержи нас со своими орлами. Задачу тебе там передадут, а ты помни, что внизу твои друзья. Вместе давай повоюем эти дни — мы на земле, ты с воздуха.

И Ефимов поддержал друга. Он довёл действенность своих штурмовок до предела, заставляя не только останавливаться, но и отступать фашистов, пытавшихся атаковать отряд Куникова. Он был неутомим, ходил на штурмовки по три раза в день, не давал фашистам подбрасывать подкрепления.

По дороге на штурмовку надо было сбросить Куникову боезапас без парашюта. Дело для опытного лётчика не такое уж сложное, но и в нём проявилось, как важна привычка всякое поручение продумывать, а не выполнять механически.

Расположение отряда Куникова простреливалось фашистами насквозь. Достаточно было появиться человеку на открытом месте, чтобы застрочили пулемёты, завизжали мины, заухала артиллерия.

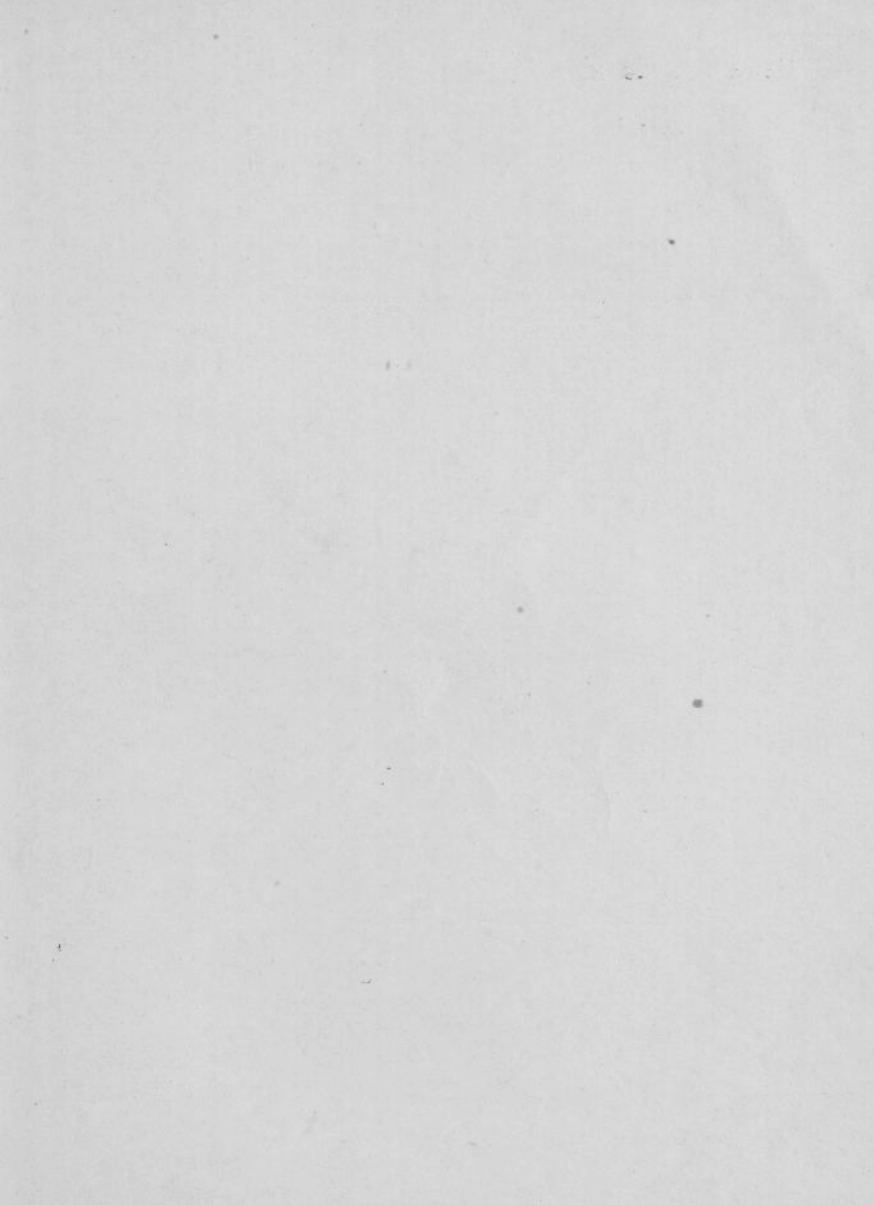
Ефимов сообразил: если сбросить боезапас на открытом месте, бойцам будет трудно добраться к нему без жертв. И он, идя на бреющем, не сбросил—это слово не подходит—аккуратнейшим образом положил боеприпас за высокой стеной каменного забора. Земля проносится под тобой быстро, когда идёшь на бреющем—нужна была предельная, не всякому доступная быстрота соображения, зоркость, точность движений, чтобы правильно выбрать место и положить боезапас.

Ефимов знает, как выглядит смерть. Она была рядом, впритирку, когда, загорелся его самолёт после атаки «Мессершмитта». Фонарь заклинило, выпрыгнуть было нельзя. Оставалось одно—сгореть в самолёте. «Мессершмитт» зашёл вперёд—из кабины выглянула торжествующая рыжебагровая физиономия. С горящего самолёта Ефимов дал по ней очередь, точную, правильную, как на полигоне. «Мессер» был подбит, фашистский лётчик испуганно пригнул голову в кабине и стал удирать. А Ефимов, как всегда, всё обдумал и сообразил. Дал нейтральный газ—может быть, удастся сбить пламя. Потом пошёл со снижением к морю—приятнее утонуть чем сгореть.

Спокойствие спасло его. Перекладывая самолёт с крыла на крыло, он сбил пламя и благополучно посадил машину, уже не слушавшуюся управления. Смерть осталась позади.

Вот в таких полётах рождался и рос богатырский счёт Ефимова—семнадцать самолётов, девятнадцать танков, пятьсот автомашин, три тысячи фрицев!

Так человек, почти случайно и не очень охотно начавший летать, нашёл в боевой работе лётчика своё настоящее жизненное призвание, возможность развить все способности, всё богатство своей натуры. Так чувашский юноша с пытливыми глазами и широкой детской улыбкой стал Героем Советского Союза.

Цена 1 р. 25 к.

